

Люциус внезапно почувствовал, как в груди поднялось удушливое, давящее чувство.

Он инстинктивно поднял руку и прижал её к левой половине груди: в месте, где в прошлой жизни прошла смертельная сфера заклęcia, сейчас не было ничего — ни ран, ни боли, лишь гладкая ткань одежды и ровный, сильный стук под ней.

Но этот стук был слишком быстрым, отчего у него слегка кружилась голова.

— Ты в порядке? — Нарцисса чутко уловила его состояние, её брови сошлись на переносице, а в глазах застыла тревога. — Ты выглядишь неважно. Впрочем, неудивительно, ты ведь почти не спал. Попросить домашнего эльфа принести тебе чашку горячего чая?

Люциус покачал головой и подошёл к кровати, глядя на Драко сверху вниз.

Раньше, засыпая, Драко вечно ворочался, сбивая одеяло в ком, хотя благодаря поддерживающим температуру чарам в меноре он никогда не простужался.

Теперь же он лежал на спине тихо и неподвижно, одеяло аккуратно доходило до груди, одна рука была вытащена наружу, а пальцы сжаты в полусогнутые кулаки, будто он пытался за что-то ухватиться, но не смог.

За окном посветлело ещё сильнее, лучи утреннего солнца, пробивавшиеся сквозь шторы, очертили резкий, глубокий профиль Люциуса.

Драко дышал очень легко.

Настолько легко, что Люциусу, сидевшему на краю кровати и приложившему ладонь к прохладному лбу сына, приходилось с трудом задерживать дыхание, чтобы убедиться: под этой тонкой прохладой всё ещё теплится живое дыхание.

Люциус не шевелился. Он так и сидел, позволяя воспоминаниям прошлой жизни бурной волной захлестнуть его сознание.

Сперва он увидел поле боя: разрушенные башни Хогвартса и всё ещё дымящиеся стены.

Увидел серебристо-серые крупы, разлетевшиеся по небу после того, как Чёрная метка рассеялась, и молящихся в руинах волшебников под ними.

Он увидел себя — в пыли и грязи, с запятнанными гарью складками тёмной мантии.

Нарцисса стояла рядом с ним, её волосы растрепались, золотистые пряди бились на ветру, на

лице не было выражения — лишь руки неудержимо дрожали. Драко стоял в двух шагах позади них; их семья всё ещё была вместе.

Где-то вдалеке кто-то звал: «Малфой! Люциус Малфой!» — а затем к нему присоединились и другие голоса, слившиеся в шумную, тесную волну, полную гнева и усталости.

Люциус помнил, как повернулся и вместе с Нарциссой и Драко быстро покинул поле боя, возвращаясь в Малфой-менор.

Затем последовал долгий и нудный суд. Временный трибунал Министерства магии разместился в бывшем зале суда Визенгамота, где на стенах до сих пор виднелись царапины от цепей, оставленные после отправки предыдущего «преступника».

Люциус и Нарцисса стояли плечом к плечу на скамье подсудимых, слушая, как одно за другим зачитывают обвинения: верность Волан-де-Морту, участие в битве в Отделе тайн, укрывательство Пожирателей смерти, предоставление средств и убежища силам Тёмного Лорда.

Он не оправдывался. Нарцисса тоже молчала. Лишь изредка, в короткие паузы между зачитанием пунктов обвинения, они поворачивали головы и обменивались мимолётными взглядами.

Драко сидел на скамье для публики. На нём по-прежнему был строгий тёмно-серый костюм, волосы были аккуратно зачесаны волосок к волоску — в любых обстоятельствах он сохранял достоинство семьи Малфой. На его лице не отражалось ничего, даже горя или гнева: осталась лишь отполированная до блеска бесчувственная безмятежность, а руки лежали на коленях, пальцы крепко переплелись.

Люциус помнил, что посмотрел на Драко трижды. На третий раз Драко беззвучно шевельнул губами, и артикуляция была настолько чёткой, что Люциус смог прочитать это слово: «Папа».

Приговор был вынесен: Люциус Малфой — пожизненное заключение в Азкабане; Нарцисса Малфой — домашний арест в Малфой-меноре сроком на 5 лет.

В тот момент, когда прозвучал приговор, он не опустил голову, а лишь слегка прикрыл глаза. В следующее мгновение рука Нарциссы легла поверх его ладони, безмолвно поддерживая его так же, как она делала это все эти годы.

А затем было конвоирование из менора. Воспоминания об этом дне были чётче, чем о суде: Люциус шёл к главным воротам поместья, Нарцисса и Драко крепко держали его за руки, а позади следовали мракоборцы. Ворота менора были распахнуты настежь, а белые павлины в саду прятались за кустами, не смея высунуть головы.

Внезапно всё изменилось.

— Круцио!

Зелёная вспышка заклинания сорвалась из-за дуба слева, за ней последовала вторая, третья.

Когда Люциус опомнился, он уже увидел три-четыре фигуры в мантиях, выскочивших из кустов.

Они кричали, смеялись, швыряли заклятия, а зелёные и красные лучи с шипением вырывались из кончиков их волшебных палочек.

— Малфой, предатель!

— Пёс, переметнувшийся к врагу!

— Убить их всю семью!

Люциус смотрел на лица этих остатков Пожирателей смерти. Некоторые из них были ему знакомы — это были те самые люди, которые некогда стояли перед ним на коленях, пытаясь угодить.

Другие были незнакомы — отребье, выползшее из углов после падения Волан-де-Морта.

Затем Люциус увидел зловеще шипящую зелёную вспышку, сорвавшуюся с кончика палочки в чьей-то руке и летевшую прямо в грудь Драко.

Не раздумывая ни секунды, он бросился перед Драко, раскинув руки, и заклятие со всего маху врезалось ему в грудь.

Боль.

Она была сильнее, чем от Круциатуса. Когда заклинание разорвало его грудную клетку, он даже не мог кричать.

Он рухнул на землю, спиной вниз. Его взгляд скользнул с испуганного лица Драко на затянутое тучами небо, казавшееся таким тяжёлым, что оно вот-вот могло обрушиться.

— Папа! — Драко опустился на колени рядом с ним. Люциус смотрел на лицо сына и вдруг понял, что со времени пятого курса Драко он по-настоящему, внимательно не смотрел на своего ребёнка.

Он помнил, как одиннадцатилетний Драко отправлялся в Хогвартс: стоя на платформе, он обернулся и помахал им рукой, широко и солнечно улыбаясь. Он помнил тринадцатилетнего Драко, чьи ежедневные заботы сводились лишь к тому, чтобы досаждать Поттеру. Он помнил шестнадцатилетнего Драко, стоявшего в холле Малfoy-менора и отвешивающего поклон в сторону Тёмного Лорда со скованной, натянутой до предела спиной.

Тогда Люциус стоял за его спиной и думал лишь о том, что в этом и заключается величие чистой крови, в этом состоит неотъемлемый долг человека из семьи Малfoy.

Теперь же он лежал на земле, а слёзы Драко капали ему на лицо — одна, две, три... обжигающие, как раскалённое железо.

— Прости меня, Драко, — уходя в небытие, услышал Люциус собственный голос. — Прости, Сисси.

Он извинялся за всё.

С самого дня рождения Драко он взваливал на плечи этого ребёнка непосильную ношу: величие чистой крови, долг семьи Малfoy, верность Тёмному Лорду, страх перед колебаниями на исходе войны и то финальное крушение на суде...

Всё это легло на плечи Драко.

Хотя у Драко никогда не было выбора.

— Папа, не разговаривай, держись, мы едем в Минго!

— Драко! — на периферии зрения мелькнула чья-то фигура: темноволосый мальчишка защищал Драко с помощью заклинаний — кажется, это был мракоборец Гарри Поттер.

<http://bllate.org/book/21194/2145663>